

Костяев Э.В.

Доцент, доктор исторических наук, Саратовский государственный
технический университет имени Гагарина Ю.А.

ОТНОШЕНИЕ ДУМСКИХ МЕНЬШЕВИКОВ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В 1914 – ФЕВРАЛЕ 1917 ГОДА

Первым партийным органом в России, выразившим отношение к Первой мировой войне, была социал-демократическая фракция Государственной думы. В августе 1914 г. председатель Международного социалистического бюро (МСБ) II Интернационала и государственный министр Бельгии Э. Вандервельде обратился к большевистской и меньшевистской фракциям Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в Думе с просьбой строить тактику с учётом интересов европейской демократии, вынужденной опираться в борьбе с Германией на помощь царской России [1, с. 581]. Однако думские меньшевики не отреагировали на послание: «Мы обсуждали ответ, – говорил Матвей Скобелев в апреле 1917 г., – но... ничего не ответили. Мы знали, как разговаривать с Вандервельде председателем Интернационала, но не знали, как разговаривать с министром Вандервельде» [2, с. 115–116].

Ошибочной является характеристика П. Милюковым думской сессии 26 июля 1914 г., «обнаружившей общее патриотическое единодушие партий в деле обороны страны» [3, с. 27], и попросту фальсифицированным – утверждение Д. Кина, что на заседании Думы 26 июля с декларацией против войны выступила фракция большевиков [4, с. 41]. Ни к её составлению, ни к оглашению большевики не имели касательства. По свидетельству меньшевистского историка Б. Николаевского, написал декларацию член Организационного комитета (ОК) РСДРП П. Гарви (в сотрудничестве с Е. Бройдо, Н. Череваниным и Г. Эрлихом), который, не зная, как расценивали положение находившиеся за границей партийные лидеры, нашёл в себе смелость самостоятельно наметить линию. Захваченные началом войны врасплох и растерявшиеся, без указаний вождей-эмигрантов, депутаты-большевики лишь в последний момент «прибежали» к меньшевикам «с просьбой объявить эту декларацию общей...: они не только не вносили в неё никаких поправок, – утверждал Николаевский, – но и не хотели даже... прочесть» [5, с. XXXII].

Огласить «Декларацию социал-демократических депутатов IV Государственной думы» взялся Валентин Хаустов, 30-летний «уфимский рабочий, никогда не стремившийся выдвинуться вперёд, но и никогда не уклонявшийся от ответственности» [5, с. XXXII]. В документе подчёркивалось, что «настоящая война... является войной, ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих... стран», и что «пролетариат... будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств... извне или изнутри. Но когда раздаются призывы к единению народа с властью, – отмечалось в декларации, – мы (представители рабочего класса России. – Э.К.)... считаем нужным подчеркнуть всё лицемерие... этих призывов...» [1, с. 508].

Неверным является утверждение А. Данилова, будто действия меньшевистской фракции Думы на заседании 26 июля могли «создать иллюзию выполнения решений II Интернационала» [6, с. 73]. Позиция фракции являлась выполнением, а не созданием его иллюзии, положения резолюции Копенгагенского социалистического конгресса 1910 г., требовавшей от социалистов-парламентариев «...противодействовать вооружениям и отказывать в ассигновании для этой цели каких-либо средств», защищая народы «от всяких воинственных нападений и... притеснений» [7, с. 146]. Содержание декларации и голосование думских социал-демократов против военных кредитов на фоне почти всеобщего выражения готовности другими оппозиционными партиями России на период войны объявить перемирие с правительством приобретали характер вызова царизму. А уход де-

путатов от РСДРП из зала заседания Думы во время одобрения выделения военных кредитов ещё более подчеркнул антиправительственную и антивоенную направленность их декларации.

Такое голосование и поведение членов фракции заслужили восторженные оценки партийных руководителей. Юлий Мартов в декабре 1914 г. на меньшевистском совещании в Цюрихе заявил, что члены думской фракции «не изменили своим принципам, остались им верными и нашли мужество высказать это перед лицом всего мира» [8, карт. 59]. В феврале 1916 г. члены Заграничного секретариата (ЗС) ОК РСДРП и их единомышленники в «Открытом письме» восстали против попыток меньшевиков из «оборонческого» лагеря «отклонить думскую фракцию от верной линии, которой она следовала до сих пор и которой мы гордимся» [9, л. 3]. Предметом гордости молодой рабочей демократии России, писал Иракий Церетели (псевдоним – «Квирильский»), навсегда останется факт, что «в годину испытания солидарности международного пролетариата, когда националистическим гулом заполнился весь мир, её рабочее представительство... мужественно возвысило свой голос против мировой войны и скрепило этот протест действием» [10, с. 37].

Думские депутаты поступили «как истинные социалисты, не голосуя за бюджет, – сказал Георгий Плеханов 11 октября 1914 г., – потому что политика царского правительства ослабила оборону страны». При республиканском правительстве страна своими победами помогла бы республиканской Франции, чего при правительстве царском, полагал он, нельзя было ожидать. Плеханов выразил надежду, что война поведёт к торжеству социализма в России, так как наши социал-демократы показали свою неспособность «ни к сделкам с царским правительством, ни к оппортунистской тактике» [11, карт. 60]. А в письме от 21 января 1915 г. Ида Аксельрод, Пантелеймон Дневницкий (Фёдор Исаевич Цедербаум) и Плеханов советовали думской фракции голосовать против военных кредитов, мотивируя это тем, что «хотя мы и считаем совершенно необходимой оборону страны, но, к сожалению, это первой важности дело находится в слишком ненадёжных руках самодержавного царского правительства» [12, р. 344]. Но в связи с военными поражениями весны–лета 1915 г., принесшими России потерю Польши, Литвы, части Латвии и Белоруссии, Плеханов изменил позицию. В июле 1915 г. он писал думскому депутату-меньшевику Андрею Фадеевичу Бурьянову: «...Вы и Ваши товарищи... просто-напросто не можете голосовать против военных кредитов. ...голосование против кредитов было бы изменой (по отношению к народу), а воздержание от голосования... трусостью; голосуйте – за!» [13, с. 375].

Не все сподвижники Плеханова с пониманием отнеслись к его патриотическому порыву. К примеру, Алексей Иванович Любимов являлся сторонником воздержания от голосования. 11 марта 1916 г. он писал Плеханову, что такая его позиция объяснялась заботой об успехе революционного дела в России: «...масса, среди которой мы ведём работу, – говорилось в письме, – мыслит догматически... В течение многих лет мы внушали этой массе, что нельзя голосовать за кредиты, и эту нашу проповедь она восприняла догматически, а раз так – успех нашего революционного дела не будет обеспечен, если мы... порвём с этой догматикой и отпугнём от себя массы» [14, с. 119].

Нельзя согласиться с мнением, что думская фракция, заняв в начале войны антиимпериалистическую позицию, впоследствии перешла на «путь социал-шовинизма» [1, с. XLVI]. Расценивая мировой конфликт как следствие «...империалистической политики господствующих классов» всех воевавших государств, фракция в заявлении Николая Чхеидзе на заседании Думы 27 января 1915 г. высказала пожелание «немедленно приступить к содействию скорейшему прекращению войны и заключению... мира..., который должен быть... выражением воли народов всех воюющих стран... Только такой мир, – говорил он, – создаст условия для предотвращения захвата чужих территорий и... самоопределения национальностей...» [13, с. 373–374].

Противниками шовинизма думские меньшевики оставались и в дальнейшем: «Борьба за мир, почётный для всех участников, – говорилось в заявлении фракции от 19 июля 1915 г., – за мир без всяких аннексий, ...на основе... самоопределения народов, за мир, который будет заключён самими народами, а не безответственными правительствами..., борьба против милитаризма..., за... ограничение вооружений – такова общая задача всего международного пролетариата, которой остаётся верен и пролетариат всей России» [13, с. 380]. Эти слова, которые можно охарактеризовать, как кредо думских меньшевиков в 1914 – феврале 1917 г., свидетельствуют, что в их позиции по отношению к войне не было шовинизма.

Правда, практически политика думских меньшевиков была труднореализуемой, поскольку ими в должной мере не учитывался факт оккупации неприятелем части территории России (Польша, Волынь, часть Прибалтики и Белоруссии). Согласиться при таких обстоятельствах на немедленное заключение мира российское правительство, как и любое другое, конечно, не смогло бы. В выступлениях на заседании Думы 19 июля 1915 г., 10 февраля 1916 г. и 24 февраля 1917 г. Чхеидзе признавал, что в результате побед германского оружия, «разрушительной политики» царского правительства и попустительствовавшей ему Думы Россия, начиная с лета 1915 г., переживала кризис, чреватый разгромом страны и вырождением её народа [13, с. 375–376, 378–380, 421–422, 467, 469]. Однако конкретный план достойного выхода России из этого положения думская фракция не выдвинула, ограничившись абстрактными призывами к немедленному заключению мира. В условиях же оккупации неприятельскими армиями российских земель подобные призывы выглядели абстрактным и излишне скороспелым миротворчеством, лишённым практического смысла. 29 августа 1915 г. на проходившем в Женеве Совещании заграничных групп «партийцев» Плехановец И. Киселёв в докладе об отношении думской фракции к войне справедливо подчеркнул, что «единственно революционным, интернациональным и соответствующим интересам международного пролетариата... сегодня является не лозунг мира, ...а лозунг обороны страны» [15, л. 5]. А французский социалист Гед подметил в 1916 г., что если бы он был кайзером, то всеми мерами поощрял бы пропаганду мира без аннексий и контрибуций, поскольку при сложившихся тогда условиях она могла принести только один результат – внести смуту в умы и чувства рабочей демократии и усилить военное могущество германского империализма. Мир, заключённый сейчас, подчёркивал он, был бы «немецким миром, то есть заговором против свободы народов» [16, с. 10].

Критике отношение думской фракции к войне подверг и единомышленник Плеханова Николай Иорданский. «Проповедуя свой утопический мир, – утверждал он, – Чхеидзе только облегчает реакционерам пропаганду... мира сепаратного». Отметив, что в условиях оккупации войсками противника российских территорий политика думских меньшевиков «может принести русскому народу только непоправимый вред», редактор журнала «Современный мир» считал вопросы заключения мира с аннексиями или без них делом будущего. «Пока же, – писал он в 1916 г., – надо очистить собственную территорию от неприятеля, надо защищать с оружием в руках самих себя» [16, с. 15]. Следует признать, что эта критика Иорданского была справедливой.

Отличные от позиции Чхеидзе взгляды на целесообразность выдвижения в пропаганде на первое место лозунга немедленного заключения мира имелись и внутри фракции Думы. На её заседании 27 января 1915 г. 33-летний конторский служащий Иван Маньков заявил, что, «считаясь с фактором завоевательного характера войны со стороны Германии», он находит неуместным употребление слова «мир» «до поражения германского юнкерства» [17, с. 377], а также воздержался при голосовании за предоставление правительству военных кредитов [18, с. 281], что повлекло исключение его из фракции. Буря негодования тогда разразилась в кругах «антиоборонцев» в адрес крамольника, а в письме Ю. Мартова Фёдору Дану от 11 марта 1915 г. Маньков был назван «идиотом» [19, с. 325].

Однако члены ЗС ОК РСДРП, написавшие в ноябре 1915 г., что исключение Манькова встретило одобрение всей партии и не вызвало ни одного протеста [13, с. 395], ошибались.

На защиту исключённого встали плехановцы. 29 августа 1915 г. в докладе на Совещании заграничных социал-демократических групп «партийцев» Иван Киселёв предложил протестовать против исключения Манькова и приветствовать его позицию в вопросе о войне [15, л. 5]. В итоге Центральным бюро «партийцев» была принята резолюция, в которой его члены выразили сожаление, что думская фракция исключила Манькова, в своих выступлениях «ничем не погрешившего против принципов международного социализма». В заключении документа говорилось, что совещание считало необходимым «немедленное исправление печальной ошибки, сделанной в этом случае нашей фракцией» [8, карт. 59]. Данную резолюцию Киселёв в письме от 17 сентября 1915 г. переслал из Цюриха депутату Думы Бурьянову, очень попросив при этом передать письмо лидеру фракции Чхеидзе [11, карт. 60].

Не разделял взгляды большинства фракции на войну и Акакий Иванович Чхенкели. Обменявшийся с ним тогда несколькими письмами Ираклий Георгиевич Церетели вспоминал, что в этой переписке Чхенкели старался обосновать необходимость «условного оборончества», то есть заявления, что «в случае революции мы поведём активную оборону». Однако, добавлял Церетели, такое «академическое разногласие не отражалось на политике фракции, которая, единственная из социалистических фракций воюющей Европы, за всё время войны голосовала против военных кредитов» [20, с. 7]. Заметим при этом, что позиция «условного оборончества» Чхенкели была очень похожей на политику «революционного оборончества», глашатаем и проводником которой после Февральской революции являлся сам Церетели.

Литература

1. Большевистская фракция IV Государственной Думы. Сборник материалов и документов. Под ред. А.Е. Бадаева и В.А. Быстрянского. Л., 1938.
2. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции // От первого лица: Сборник. М., 1992.
3. Милуков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.
4. Кин Д. Война и Февральская революция. М., 1924.
5. Николаевский Б.И. П.А. Гарви в России // Гарви П.А. Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк, 1946.
6. История России. Вторая половина XIX–XX вв. Курс лекций. Ч. 1. Под ред. Б.В. Леванова. Брянск, 1992.
7. Сборник документов и материалов по курсу «Политическая история XX века». Вып. 1. М., 1991.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10003. Оп. 1. Рул. 351.
9. ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 243.
10. Квирильский. Демократия среди воюющей России // Сибирское Обозрение. 1915. № 1.
11. ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 1. Рул. 358.
12. Baron S.H. Plekhanov in war and revolution, 1914–17 // International Review of Social History. Vol. XXVI (1981). Part. 3.
13. Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М., 1996.
14. Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение...»: Из переписки А.И. Любимова и Г.В. Плеханова. 1914–1918 гг. // Исторический архив. 1998. № 3.
15. ГАРФ. Ф. Р-6059. Оп. 1. Д. 6.
16. Иорданский Н. Война, мир и социализм. Беседы с Брантингом, Вандервельде, Гэдом, Лонгэ, Плехановым, Турати, Сerratи. Пг., 1916.

17. Троцкий Л. Сочинения. Т. 9. М.–Л., 1927.
18. Любимов А. Интернационализм Маркса // Свободное Слово. Нью-Йорк, февраль 1916 г.
19. Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова (1901–1916). Берлин, 1924.
20. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. Paris, 1963.